

СЛОВО НАДГРОБНОЕ ПРОФЕССОРУ ДМИТРИЮ СЕМЁНОВИЧУ ИЩЕНКО

*Аще праведник едва спасется,
нечестивый и грешный где явится*
(1 Петр. 4, 18)

19 января 2013 года, сорок дней назад, в возрасте 80 лет ушёл из жизни Дмитрий Семёнович Ищенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, ранее в течение 17 лет заведовавший этой кафедрой, известный учёный-палеограф, палеославист и историк русского языка. Ушёл в прямом смысле слова: оставил на столе в своём бывшем кабинете предсмертную записку, вызвал по телефону секретаря деканата, распахнул окно – и шагнул с высокого казённого четвёртого этажа навстречу тяжёлому притяжению бетона во внутреннем двореке учебного корпуса...

Подобный уход из жизни – всегда протест. Протест ума. Или протест духа. Протест против обстоятельств. Или протест против кого-то. Не случайно у некоторых народов самой страшной мезтью обидчику считается покончить с собой перед его воротами.

Поступок профессора (в память заслуг назовём его этим званием) Дмитрия Семёновича Ищенко выглядит не просто протестом – он выглядит публичным бунтом. Кто мог бы ожидать такого шага от человека верующего, интеллигентного, с коллегами идеально уравновешенного, взвешенного, корректного, толерантного, безукоризненно тактичного, безупречно выдержанного! От человека, который никогда никого ни единым словом не осудил и не обидел. От человека, о котором никто не помнит, чтобы он болел когда-либо хоть чем-нибудь. Никто не мог и в страшном сне допустить возможность такого шага.

Интерпретаций трагедии много. Вот новая хозяйка бывшего кабинета профессора Дмитрия Семёновича Ищенко по горячим следам (горячим в буквальном смысле!) говорит журналистам, что [кол-](#)

[лега хотел закрыть окно и выпал по неосторожности](#). И, даже увозимый на каталке скорой помощи, якобы сам сказал об этом [ещё раз](#) – то есть: до того тоже сказал кому-то? Но очевидцы утверждают, что человек, смертельно разбитый, не мог говорить из-за травмы челюсти. И как быть с запиской? К тому же окно отворяется вовнутрь, так что выпасть из него по неосторожности – это надо быть особо неосторожным. Что-то здесь не вяжется.

Вот декан филологического факультета [говорит тем же журналистам](#) о некоем невразумительно-странном, мелочном содержании записки: пишет, дескать, Дмитрий Семёнович, что не смог составить контрольные работы для студентов. И намекает декан в этой связи, что у покойного могли внезапно проявиться проблемы со здоровьем и что именно это могло спровоцировать трагическое решение ([см. ещё раз ТСН](#)). И здесь что-то не вяжется: практически день в день за месяц до трагедии, 18 декабря, на юбилейном (сместённом с 23 ноября) чествовании Дмитрия Семёновича говорилось ровно противоположное о вечно неувядаемом возрасте юбиляра и его неизменной бодрости духа. Дифирамбы дифирамбами, но в них правда тоже бывает.

Вот как по мановению некой волшебной палочки закрываются на одном из информационных порталов нелицеприятные комментарии по поводу несчастья и даже меняется тон одной из публикаций в сети Интернет: дескать, [странный оказался Дмитрий Семёнович и напоследок был зол](#). И ректор обнародовал [обращение к общественности](#) с призывом к толерантности, корректности, взвешенности в оценке случившегося. Однако сам при этом воспользовался случаем высказать своё убеждение о неких личных причинах самоубийства. И примешал (надо понимать, с подачи декана филологического факультета) каплю унижительной для университета и оскорбительной для памяти покойного неправды: никакой упомянутой в обращении тематической конференции – то есть конференции с объявлением темы, оповещением научной общественности, программой, докладами – в честь юбилея Дмитрия Семёновича на самом деле не было! Было приветственное заседание учёного совета филологического факультета, перешедшее затем в обсуждение текущих рабочих вопросов.

Отзвучали приличествующие случаю слова на гражданской панихиде – не прозвучали только слова *последнего прости* в выступлениях ни одного из лиц руководящей вертикали: ректора, декана, заведующей кафедрой. На поминальном обеде, на который не пришла вдова покойного, стойко перенёсшая ритуал гражданской панихиды и погребения, были повторены ещё свежие в памяти после юбилея слова похвалы беспримерным достоинствам покойного. Впрочем, было в них одно новое – слово *был*. И все как бы не услышали одного из учеников Дмитрия Семёновича, сказавшего у его гроба, что эта смерть – трагедия шекспировского масштаба...

А жизнь университета и факультета продолжается, вернётся в обычное русло, всё будет стремительно уходить в прошлое. Молва всё перетолкует, переиначит. Затихнет интерес – и станет ненужным ответ на вопрос: *почему?!* Ну ушёл из жизни старый человек, стоящий на пороге телесной немощи. Странно ушёл – так, говорят, и был странным. Мало ли что. Возраст. Физиология. Метаболизм. Сосуды головного мозга.

Так и напрашивается спросить: не похоже ли всё это вместе на попытку отвести внимание от своих ворот?

Станем же на рубеж *за други своя* и попытаемся дать ответ на щемящий вопрос: почему это могло случиться? И сказать своё доброе слово в апологию светлой памяти товарища. Если не сделать этого публично сейчас, при очевидцах его жизни, при тех, кто его знал, ценил, любил, при тех, кто знает правду и может о ней свидетельствовать, то никто не вступится потом. И войдёт он писанной от Иуды строкой в историю университета как выживший из ума старик-самоубийца.

Официально винить некого. Возбуждённое по формальным признакам уголовное дело по статье о доведении до самоубийства не откроет предмета статьи – этого предмета не существует. Корни трагедии куда как более глубоко скрыты, и выросла беда из неуловимо тонких переплетений субъективного и объективного.

О Дмитрии Семёновиче можно сказать словами Григория Богослова, которыми тот характеризовал своего друга Василия Великого: *Это был корабль, столько нагруженный ученостью, сколько сие вместительно для человеческой природы. Так изучил он все,*

как другой не изучает одного предмета, каждую науку изучил он до такого совершенства, как бы не учился ничему другому. Тут ни убавить ни прибавить. Впрочем, прибавить необходимо: Дмитрий Семёнович был ещё талантливым поэтом и блестящим переводчиком поэзии с английского, немецкого и других языков. У поэтов душа особая – она говорит иносказаниями, она остро переживает и она по-детски доверчива к миру, а потому незащищена и уязвима. И потому она очень закрыта для постороннего доступа.

Дмитрий Семёнович никогда не роптал и не жаловался. Никогда не было в нём и тени уныния. Он вообще был натурой в эмоционально-личностном плане сильной, устойчивой, жизнедеятельной, общественной. А его глаза до последних дней светились при разговоре, и лицо его было озарено ясностью мысли. Не было в нём признаков депрессии или подавленности. Тем более внешних признаков психического расстройства.

Да, Дмитрий Семёнович мог быть грустным и задумчивым, когда его никто не видел. Да, он вынужденно гулял по коридору на факультете, когда коллеги со студентами занимали для занятий помещение кафедры и кабинет заведующего. Да, чувствовалось глубокое одиночество и щемящая неприкаянность пожилого, даже точнее – старого уже человека.

Ну что сказать? Он на птичьих правах бесконечно долгие годы ютился с семьёй в университетском студенческом общежитии – и просвета не было. Несколько лет назад его семью постиг ужасный удар судьбы – смерть от осложнений после гриппа единственной дочери. Другой бы сломался. Но Дмитрий Семёнович находил себя в своём любимом внуке, в научной работе, в студентах, в лекциях, в кругу своих публичных обязанностей – это держало.

Дмитрий Семёнович никогда не выставлял напоказ своё личное. Эта черта была одной из сущностных доминант в структуре его сознания. Потому даже в запредельном состоянии своего духа уход из жизни по сугубо личным мотивам он не стал бы делать публичным зрелищем и в столь демонстративной форме. Его шаг – это действительно публичный протест.

Протестовать можно по-разному. Дмитрий Семёнович, связанный по рукам и ногам квартирным вопросом и положением кор-

милыца семьи, протестовать не мог никак. Он вообще органически не был склонен к протесту. Но все знали одну его прекрасную человеческую черту: он никогда не делал по кафедре того, чего не хотел делать по своим принципам и убеждениям, и того, что шло бы в ущерб другим. Он не перечил начальству. Он не возражал. Он не отговаривался. Он не оправдывался. Он не обещал. На заседаниях деканата при обсуждении подобных сложных установок начальства он откидывался на спинку стула, клал ладони на ребро столешницы, бесшумно и почти незаметно постукивал подушечками пальцев по столу. И молчал. На лице его отражалась тень улыбки, которая напоминала просветлённую улыбку скульптур Будды, глаза устремлялись мимо начальства и видели что-то неведомое другим. Его можно было истязать, как бьёт отчаявшийся возница приставшую лошадь, – он молчал и не делал. Эта черта – не свидетельство ли негибамости характера и беспримерной твёрдости духа, способного дать внутренний отпор внешнему давлению?

Научные и человеческие достоинства Дмитрия Семёновича были его настоящим званием – и званием превыше официальной докторской степени и официального профессорского звания. Он многие и многие годы занимал профессорскую должность заведующего кафедрой, что давало ему право именоваться профессором. Он привык к этому именованию, и окружающие привыкли. Для него оно стало частью его официального имени – значит его самого, его ориентации в социальной среде, его самооценки и его оценки со стороны других. Ему это звание нравилось как человеку публичному и достойному такого звания. Он действительно был профессором, и это звание так и осталось закреплённым за ним [на официальной странице сайта ОНУ им. И. И. Мечникова](#) на момент написания этого слова.

Между тем в последние годы атмосфера на филологическом факультете ОНУ им. И. И. Мечникова постепенно менялась. Наступили времена, когда, говоря словами того же Григория Богослова, *председательство приобретает не добродетелью, но происка-ми, и престолы занимаются не достойнейшими, но сильнейшими.*

Потому, замещая достойнейшего Дмитрия Семёновича на должности заведующего кафедрой приведённой деканом со стороны и

сильнейшей по научным регалиям фигурой, сильные мира сего не озаботились тем, чтобы пощадить его достоинство и, смещая, оставить за ним на кафедре профессорскую должность. Его перевели на неполную ставку доцента. «Какой он профессор! Он доцент!» – прозвучало как-то начальственное возражение одному из тех, кто по привычке назвал Дмитрия Семёновича профессором...

Он пережил это разжалование как сильнейшее унижение. И только фарисеи, ищущие почётных званий для себя, взыскующие и алчущие лестных наград себе (нередко за счёт трудов чужих), и только тот, кто совсем не считается с фундаментальными чертами человеческой природы, – только они будут утверждать, что профессор Дмитрий Семёнович Ищенко стоял выше таких «мелочей жизни».

Да. Стоял выше. Но не был равнодушен. Более того, он любил такие мелочи, как любит человек полюбоваться знаками отличия за свою трудную работу. Потому не фарисейством ли выглядит одна из юбилейных похвал: дескать, Дмитрий Семёнович Ищенко вторым после Альберта Великого достоин степени универсального доктора, присуждавшейся в средневековом Парижском университете. Ах, если бы посмотреть на штатное расписание своего университета – нет ли там профессоров и доцентов без формальных степеней и званий? А ведь есть! Так неужели нельзя было выхлопотать реальную профессорскую ставку Дмитрию Семёновичу, подтвердив заслуженный им комплимент?

Тридцать лет профессор Дмитрий Семёнович Ищенко был членом специализированного учёного совета по защите кандидатских диссертаций. Не так давно совет после перерегистрации повысили до статуса докторского. Места в нём для профессора (по научному статусу – кандидата наук, доцента) Дмитрия Семёновича Ищенко филологический факультет найти не смог. Подобно рабочему волю, привычному к трудовой ниве, профессор Дмитрий Семёнович Ищенко пришёл на первое заседание нового состава совета. Может быть, ожидал слова благодарности от университета или родного факультета за тридцатилетний труд? Не помнится, чтобы оно прозвучало.

Потом Дмитрий Семёнович никогда больше не появился на совете, но каждый раз, верный своему обыкновению внимательно

следить за жизнью факультета, подолгу изучал на стендах в коридоре объявления об очередных защитах. Не щемило ли сердце действительно универсального доктора при этом?

Дмитрий Семёнович любил студентов, а они его обожали. От первого курса до последнего вёл он их, обучал, воспитывал, опекал. Кульминацией этого были выпускные экзамены и защита дипломных работ. Здесь во время работы государственной экзаменационной комиссии (ГЭК), непременным членом которой был профессор Дмитрий Семёнович Ищенко, он давал последний мастер-класс выпускникам. Это был апофеоз его труда. Это был общий триумф учителей и учеников. И вот в одночасье Дмитрий Семёнович лишается этого творчества – из ГЭК его вытесняет новая лидер кафедры. Он ещё не раз за последние годы подходил по привычке к двери с табличкой ГЭК, стоял перед ней, смотрел на неё. Но он не привык толкать – и никто его не слышал, и никто ему не отверзал... Не бодела ли и не плакала ли его душа при этом?

Приближался день 23 ноября 2012 года – день 80-летнего юбилея Дмитрия Семёновича. Юбилеи такого рода всегда очень большая психоэмоциональная нагрузка для чествующего. Организм работает на пике энергии, мобилизуя и расходуя резервы сил. Известна печальная закономерность: часто после празднований юбиляры через небольшое время уходят из жизни.

Конечно же, внутренне готовился к юбилею и Дмитрий Семёнович. И вот фальстарт: за два дня до юбилея декан филологического факультета уезжает в отпуск, перенеся чествование на следующий месяц. При том никто не обеспокоился организовать, как уже сказано ранее, надлежащее оповещение о праздновании юбилея среди тех учёных, которые работали в одной научной области с юбиляром и ценили его научный труд. Можно только представить, какие чувства испытывал Дмитрий Семёнович именно 23 ноября – одинокий старик, не согретый теплом родного и действительно любящего его коллектива. А отсроченное тепло, к сожалению, плохо греет...

В следующем месяце, 18 декабря, чествование состоялось, но без новой заведующей кафедрой русского языка – в этот раз уехала она то ли по своей, то ли по казённой надобности. Это ли не пренебрежение?

К юбилею издали издание – иначе, как через такую тавтологию трудно определить статус в классификации научных публикаций этого бумажно-полиграфического изделия (так оно и определено в каталожном описании – *издание*) под названием «*О, сколько нам открытий чудных...*». *Материалы к 80-летию со дня рождения Дмитрия Семёновича Ищенко*. Будучи опытейшим научным редактором, Дмитрий Семёнович имел особо удивительный редкий дар – любая рукопись статьи, любая книга открывались перед ним, как по волшебству, именно на том месте, где была ошибка. И можно только представить, как Дмитрий Семёнович опознал преподнесённое ему издание: вот Вам, любимый и обожаемый наш юбиляр, просто материалы домашних авторов. На настоящий научный сборник в Вашу честь Вы не тянете. И номер ISBN этим материалам не нужен – зачем Вам светиться в каталогах библиотек мира? Вы без того учёный с мировой известностью, дорогой наш универсальный доктор!

Большей неуклюжести и большего небрежения по отношению к юбиляру, нежели эти материалы, трудно представить. Преемница профессора Дмитрия Семёновича Ищенко на посту руководителя кафедры, она же главный редактор издания и полный распорядитель его формирования – не собравшая редколлегию и не обсудившая издание! – поставила Дмитрия Семёновича Ищенко, как мальчика, в угол. Настоящий доктор наук и руководитель кафедры за подобное должен был бы ещё до юбилея провалиться сквозь землю от стыда за себя. Впрочем, как сказано, преемница Дмитрия Семёновича действительно куда-то исчезла до факультетского чествования юбиляра.

Профессор Дмитрий Семёнович Ищенко прекрасно знал историю университета и мастерски читал каждый год вступительную лекцию на эту тему для студентов-первокурсников, которым его так и представляли – профессор Дмитрий Семёнович Ищенко! Мог ли он, зная себе настоящую цену, чувствуя себя живой связующей нитью в эпохах университета, не думать о своём месте в его истории? Мог ли он, вытесняемый в коридоры факультета, задумчиво прохаживающийся у ветшающих стен родного научного града, чьи золотые купола некогда были видны со всех научных пределов, а звон колоколов не слышен был разве что только в самой отдалён-

ной глуши за горизонтами научный ойкумены, – мог ли Дмитрий Семёнович при этом не осмыслять того, что будет и с его садом, который он старательно возделывал всю свою жизнь?

Куда идёт факультет? Что за новые вожатаи на его кафедрах то здесь, то там? Что за *народ неведомый пришёл*? Что за язык у них, которого он, полиглот, свободно говорящий на десятках языков, не понимает? Какою силою смещают они достойнейших? Что за поведение, иногда напоминающее действия варвара, берущего Рим на разграбление?

Не мог он не думать также о другом, о личном. Известно многим – есть у человеческого сознания одна закономерность: если человек долго, упорно, годами непрерывного труда, заветных надежд, непрестанных помыслов прокладывает себе путь к важной для него жизненной цели, то когда достигает её, у него наступает спад и он испытывает некоторое опустошение, нечто сродни разочарованию. И тем сильнее испытывает, чем важнее была цель. Таким переживанием для Дмитрия Семёновича стало получение от университета новой однокомнатной квартиры на его семью. Мечта осуществилась (осуществилась ли?!) – и на её месте образовалась пустота. На новые надежды уже не осталось ни сил, ни времени...

Никто не может сказать, какая пушинка будет последней и сломаёт горб верблюду. Известно, что последним на работе за несколько дней до рокового события был у Дмитрия Семёновича разговор с заведующей кафедрой по поводу составления тех самых злосчастных комплексных контрольных работ – очередной из химер, бесконечно порождаемых в бюрократических недрах. Никто теперь не скажет правды о том, что говорилось в том последнем разговоре. Никто не скажет теперь, когда Дмитрий Семёнович впервые взглянул на роковое окно с холодящей душу мыслью... Но точно можно сказать, что именно после этого разговора произошёл слом в сознании Дмитрия Семёновича. Конечно, *post hoc* не всегда *propter hoc*. И всё же...

Быть может, что-то объяснила бы предсмертная записка. Такой документ очень многое может сказать опытному эксперту: написана ли записка на столе кабинета или в другом месте? На той же бумаге, что в кабинете, или на другой? Есть ли на ней дата? Есть ли

на ней подпись? Какой характер почерка? И главное – кому адресована? Что написано на самом деле? Однако содержание записки не оглашается, а лишь дозировано излагается в разных версиях разными причастными и не причастными к её прочтению людьми. Из отрывка, изложенного деканом, из цитат в средствах массовой информации можно понять следующее: *«Я не могу составить контрольные работы. Я не могу так жить. Я и мои знания никому не нужны».*

Почему-то никто не сказал публично о фразе, которая точно есть в записке. О ней говорят между собой коллеги. Она у многих вызывает недоумение. У многих она наверняка вызвала страх – она ключевая в понимании того, что совершил бедный Дмитрий Семёнович.

Произошло во что. На фоне психоэмоционального напряжения перед празднованием юбилея, получением квартиры и последовавшего затем естественного душевного спада произошёл психологический срыв – и увиделась Дмитрию Семёновичу удручающая, сложенная из позора мелочных обид картина итога его пути:

И увидел он себя мальчиком-вундеркиндом, которого ставят на табурет перед гостями, чтобы он почитал выученные с бабушкой стихи Шиллера на немецком языке, а затем отправляют спать, чтобы не мешал взрослым на факультете;

И увидел он себя рабочим осликом, старательно и бодро тянувшим всю жизнь тележку, на кончике дышла которой светился золотой ключик от квартиры, где будет у него домашний уют, нормальный быт и даже своей рабочий стол. Ключик же оказался ржавым и уже не смог открыть для него заветную дверь;

И увидел он себя горестным Акакием Акакиевичем, которому никогда уже не справить заветную новую шинель;

И увидел он недавнее прошлое, когда, подобно забытой и оставленной без прикрытия батарее скромного и мужественного штабс-капитана Тушина в «Войне и мире» Л. Н. Толстого, он, Ищенко, решал исход не одного сражения, сдерживая натиск превосходящих сил

и спасая своим упорным молчаливым сопротивлением кафедру русского языка от переформирования и сохраняя её название;

И увидел он себя лишним, подобно тому же штабс-капитану Тушину после Шенграбенского сражения, среди новых докторов на факультете – докторов, штампующих на бесперебойном и налаженном под безотходное производство академическом конвейере;

И увидел он себя чужим и лишним среди них, подобно тому как инородным артефактом смотрится в кабинете его сохранённое от далёких предшественников времён чуть ли не Новороссийского университета антикварное кресло резного дерева на фоне прессованной из опилок и стружек современной мебели;

И увидел он, которому льстиво говорили, что он универсальный доктор, что он фигура, совмещающая в себе силу ферзя, ладьи, слона и коня и имеющая достоинства короля, – увидел он себя непроходной пешкой, забытой в углу шахматной партии.

И тогда было predeterminedено ему время – ровно через месяц после празднования юбилея на факультете и в преддверии следующего тура этого празднования, который назначила припоздавшая к основному празднованию новая заведующая. Надо полагать, этот римейк *ненужного хора пустых похвал* он выдержать оказался не в силах. И тогда Дмитрий Семёнович написал предсмертную записку, где есть слова: «*Я голый король*». В этих словах вся его оценка тех, кто равнодушно рядил его в пустословные одежды похвал: меня, действительного короля, носят на руках льстецы, которые на самом деле только используют моё достойное звание, и я вижу это сам.

И сделал Дмитрий Семёнович после этого то, чего, будучи акуратистом и приверженцем официального, как принято сейчас говорить, дресс-кода, никогда не делал на работе (никогда – это подтвердят все!): снял пиджак как вещественную метафору ключевой фразы в записке, аккуратно повесил его. И шагнул к окну...

Не нам судить, насколько адекватным был этот протест. Не нам судить, почему преходящая земная боль показалась Дмитрию Се-

мёновичу невыносимее вечной муки. Окончательный судья всему – Бог. Ясно одно: Дмитрия Семёновича не довели до этого шага – верный себе, он сам назначил себя виноватым. Его даже не допекли – каждый его любил и считал, что делает лучшее из возможного для дорогого Дмитрия Семёновича. Его, который всегда пропускал других впереди себя, его, который никогда не расталкивал других локтями, ни за кого не цеплялся, не взбирался на чужие спины, не повисал на чужих плечах, – его просто выдавили в окно кабинета, как выдавливают на ходу из переполненного автобуса незадачливого пассажира.

Виноватых нет. И менее всего виновны те, кто стоит у кормила факультетской власти. В это время они держали бразды правления – Дмитрий Семёнович никогда ни у кого ничего не вырывал из рук. В это время они двигались вперёд – Дмитрий Семёнович никогда ни у кого не стоял на дороге. В это время они держали свои флаги по ветру, чтобы не сбиться с курса, – Дмитрий Семёнович руководствовался внутренним компасом и не мог пересекать этот курс.

Бюрократы – особый вид кентавров. В отличие от настоящих, которые, будучи воинами и охотниками, срастались с лошадиным туловищем своей грудью, бюрократические кентавры срастаются со своими креслами – и срастаются иначе. Лучше всяких сейсмографов чувствуют в этом сращении малейшие потрескивания кресла, малейшие вибрации почвы под его ножками. Тогда они хватаются за ручки кресла и устремляются в атаку на возмутителей спокойствия. Тогда они говорят полуправду, которая всегда ложь. И вдвойне ложь, когда скрывает вторую часть правды.

Так и в этот раз. Не обман ли и не обманная ли полуправда в поспешных предположениях о неосторожности Дмитрия Семёновича, о его внезапно пошатнувшемся здоровье, о его внезапных странностях, о личных мотивах его шага? Списывать всё на действительные странности бедного Дмитрия Семёновича в последние два-три дня его жизни на факультете – это всё равно, что заменить описанием его агонии его же биографию.

Не обманная ли полуправда в акценте на том, что в предсмертной записке говорится о контрольных заданиях для студентов –

действительно маниакальная причина для подведения жизненного итога! Но сослаться на это как на мотив (утаив главное в записке!) – это всё равно, что некий доктор наук, теоретик литературы и знаток русской классической литературы в лекции для студентов объяснил бы самоубийство Анны Карениной текстом тех вывесок, которые подсознательно фиксируются ею по пути на встречу с тем страшным бормочущим мужиком, что ранее пришёл к ней во сне. Такой теоретик не знает, что такое *вытеснение*. Контрольные работы и есть *вытеснение* – это та последняя соломинка (если только не последняя пушинка!), которую послало расколотое прежде падения тела на бетон сознание. Правда же в другом: «*Я голый король*»!

И не саморазоблачением ли выглядит на этом фоне беспрецедентно поспешное – ещё до гражданской панихиды, ещё у разверстой могилы, ещё до погребения, ещё следствие ведётся! – объявление об увековечении памяти Дмитрия Семёновича Ищенко в виде учреждения [Научных Ищенковских чтений](#)? У кого запылала земля под ногами? Кто испугался безмолвным укором мерещащейся ему у его ворот ещё не остывшей тени усопшего? Для чего был этот нелепый в своей торопливости шаг? Для чего этот *лавровый венок с тайными иглами, уязвляющими* память покойного? И состоятся ли эти чтения, если новая заведующая кафедрой уже на сороковой день забыла организовать коллег на помин души горячо любимого, незаменимого и незабвенного бедного Дмитрия Семёновича? И будет ли осуществлена, как [обещано ректором](#) с подачи, по всей видимости, всё того же декана филологического факультета, публикация работ Дмитрия Семёновича Ищенко? И кто сможет осуществить эту публикацию, если при кадровой политике нынешнего декана на факультете ведущим славистом стал доктор-плагиатор, не имеющая и сотой доли той квалификации, что требуется для осуществления подобного предприятия!

Уход Дмитрия Семёновича – это большая трагедия... Но её не заметил главный факультетский теоретик литературы и главный на факультете «инженер человеческих душ», который из прочитанных книжек всё знает о трагедиях маленького человека, об униженных и оскорблённых, о лишних людях, об отверженных, о штабс-капита-

нах Тушиных и капитанах Копейкиных... Потому не содрогнулся факультет в том катарсисе, который, подобно развязкам античных трагедий, должен был бы сотрясти души, просветлить их и обновить. Факультет подавленно промолчал, угнетаемый жалким лепетом оправданий начальства.

Горько теперь от того, что единственным выходом из наползающей факультетской серости и атмосферы холодного равнодушия показалось бедному Дмитрию Семёновичу окно его бывшего рабочего кабинета... Тем более должно прозвучать во всеуслышание это слово, чтобы профессор Дмитрий Семёнович Ищенко ушёл не оклеветанным молвой, но чтобы истолковать то, что своим иносказательным протестующим уходом оставил он для наших раздумий и переживаний...

Светлый образ профессора Дмитрия Семёновича Ищенко навсегда останется в памяти коллег, ценивших этого прекрасного человека. Мир его праху.

*проф. Н. И. Зубов
ОНУ им. И. И. Мечникова*

19 января – 27 февраля 2013 года